

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.01.07

<https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-96-114>

Stadial and Local Variants of the Great Steppe Civilization

E. Abil^a✉, A. Kuzembayuly^b

^aMazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

^bA. Baitursynuly Kostanay Regional University, Kostanay, Kazakhstan

✉yerkinabil@gmail.com

Abstract. The paper examines the problem of the civilizational interpretation of the history of the Great Steppe and the need to overcome the fragmentation of the traditional historical narrative, in which the societies of the Saka, Huns, Turks, and other nomadic formations are interpreted as isolated ethnopolitical entities. The object of the study is the civilization of the Great Steppe as an integral historical and cultural system that developed over a long period and included a number of stadial and local forms. The aim of the work is to provide a theoretical interpretation of this civilization as a polycentric and dynamic system possessing a stable structural core and capable of reproducing itself under various natural-climatic, political, and cultural conditions. The methodological foundation of the study is based on a synthesis of civilizational, systemic, and historical-anthropological approaches. The civilization of the Great Steppe is considered as an open historical system in which economic practices, military organization, social structure, and symbolic culture function as interrelated elements. Special attention is given to mobility as the fundamental structural principle of steppe societies, which determined the forms of social integration, political consolidation, and cultural continuity. The empirical basis of the analysis consists of interpretative models developed within the fields of nomadic studies, archaeology, and historical anthropology. The results of the study show that the formation of the civilization of the Great Steppe is associated with the transition to mobile pastoralism and the domestication of the horse during the Eneolithic period, which ensured a high level of mobility and led to the emergence of a military-nomadic model of social organization. The main stadial stages in the development of the steppe civilizational system are identified as the Saka-Scythian, Hunnic-Sarmatian, and Turkic stages, each reflecting successive transformations of a single civilizational matrix. It is established that during the medieval period, local variants of this civilization were formed, including the Turkic-Muslim and Mongol-Buddhist cultural areas, as well as adaptive forms in Southern Siberia, Yakutia, and along the western frontiers of the steppe world. It is concluded that the civilization of the Great Steppe represents a multipolar historical system characterized by stable invariant features, including a mobile pastoral economic system, a military-hierarchical organization of society, a clan-based social structure, the sacralization of power, and a distinctive type of spatial thinking. The proposed approach makes it possible to interpret the succession of ethnonyms and political formations not as ruptures in historical tradition, but as successive stages in the development of a unified civilizational complex. The results obtained provide a theoretical basis for a more comprehensive interpretation of the history of steppe societies and their role in the civilizational dynamics of Eurasia.

Keywords: civilization; the civilizational concept; nomadism; mobility; developmental stages; local civilizations; polycentric system

For citation: Abil E., Kuzembayuly A. Stadial and Local Variants of the Great Steppe Civilization. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.156, no.3, pp.96-114. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-96-114>

Funding: The article was prepared within the framework of the research project "Comprehensive interdisciplinary study of the intellectual history of the 20th - first quarter of the 21st centuries based on the analysis of the works of Kazakh historians and writers" funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (IRN of the project: BR28713085)

Ұлы Дала өркениетінің стадиалдық және жергілікті нұсқалары

Е. Әбіл^а, А. Күзембайұлы^б

^аҚазақстан Республикасы Парламенті Мәжілісі, Астана, Қазақстан

^бА. Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университеті, Қостанай, Қазақстан

Аңдатпа. Бұл жұмыста Ұлы дала тарихын өркениеттік тұрғыдан түсіндіру мәселесі және дәстүрлі тарихи нарративтегі фрагментарлықты еңсеру қарастырылады. Дәстүрлі түсіндіруде сақтар, ғұндар, түріктер және басқа да көшпелі бірлестіктер қоғамдары көбіне бір-бірінен оқшауланған этносаяси құрылымдар ретінде қарастырылады. Зерттеу нысаны ретінде ұзақ тарихи кезең бойы дамыған және бірнеше стадиалдық әрі жергілікті формаларды қамтыған тұтас тарихи-мәдени жүйе ретіндегі Ұлы дала өркениеті алынады. Жұмыстың мақсаты – бұл өркениетті полицентрлі әрі динамикалық жүйе ретінде теориялық тұрғыдан пайымдау. Мұндай жүйе тұрақты құрылымдық өзекке ие және әртүрлі табиғи-климаттық, саяси және мәдени жағдайларда қайта жаңғырып, жалғасып отыру қабілетіне ие. Зерттеудің әдіснамалық негізі өркениеттік, жүйелік және тарихи-антропологиялық тәсілдердің синтезіне сүйенеді. Ұлы дала өркениеті шаруашылық тәжірибелері, әскери ұйым, әлеуметтік құрылым және символдық мәдениет өзара байланысты элементтер ретінде қызмет ететін ашық тарихи жүйе ретінде қарастырылады. Ерекше назар дала қоғамдарының негізгі құрылым қалыптастырушы қағидаты болған қозғалмалылыққа (мобильдікке) аударылады. Ол әлеуметтік интеграцияның, саяси консолидацияның және мәдени сабақтастықтың формаларын айқындады. Талдаудың эмпирикалық негізін көшпелітану, археология және тарихи антропология аясында қалыптасқан интерпретациялық модельдер құрайды. Зерттеу нәтижесінде Ұлы дала өркениетінің қалыптасуы энеолит дәуірінде жылжымалы мал шаруашылығына көшу және жылқыны қолға үйретумен байланысты екені көрсетілді. Бұл құбылыс жоғары деңгейдегі қозғалмалылықты қамтамасыз етіп, қоғамның әскери-көшпелі әлеуметтік ұйымдасу моделін қалыптастырды. Далалық өркениеттік жүйенің дамуының негізгі стадиалдық кезеңдері айқындалды: сақ-скиф кезеңі, ғұн-сармат кезеңі, түркі кезеңі. Бұл кезеңдердің әрқайсысы біртұтас өркениеттік матрицаның бірізді трансформацияларын көрсетеді. Сонымен қатар, ортағасырлық кезеңде аталған өркениеттің жергілікті нұсқаларының қалыптасқаны анықталды. Оларға түркі-мұсылмандық және моңғол-буддалық аймақтар, сондай-ақ Оңтүстік Сібірде, Якутияда және далалық әлемнің батыс шекараларында қалыптасқан бейімделу формалары жатады. Зерттеу нәтижесінде Ұлы дала өркениеті тұрақты инварианттық сипаттамалары бар көпполюсті тарихи жүйе екені туралы қорытынды жасалды. Оларға мыналар жатады: қозғалмалы шаруашылық үлгісі, қоғамның әскери-иерархиялық ұйымдасуы, ру-тайпалық құрылым, биліктің сакрализациясы және кеңістікті ерекше қабылдау түрі. Ұсынылған тәсіл этнонимдер мен саяси құрылымдардың алмасуын тарихи дәстүрдің үзілуі ретінде емес, біртұтас өркениеттік кешеннің дамуының дәйекті

кезеңдері ретінде қарастыруға мүмкіндік береді. Алынған нәтижелер дала қоғамдарының тарихын және олардың Еуразияның өркениеттік динамикасындағы рөлін неғұрлым тұтас түсіндіруге арналған теориялық негіз қалыптастырады.

Түйін сөздер: өркениет; өркениеттік тәсіл; номадизм; мобильдік; стадиалдық кезеңдер; жергілікті өркениеттер; полицентрлік жүйе

Стадиальные и локальные варианты Цивилизации Великой Степи

Е. Аби́ль^а, А. Кузембайулы^б

^аМажилис Парламента Республики Казахстан, Астана, Казахстан

^бКостанайский региональный университет им. А. Байтурсынулы, Костанай, Казахстан

Аннотация. В работе рассматривается проблема цивилизационной интерпретации истории Великой степи и преодоления фрагментарности традиционного исторического нарратива, в котором общества саков, гуннов, тюрков и других номадических объединений трактуются как изолированные этнополитические образования. Предметом исследования выступает цивилизация Великой степи как целостная историко-культурная система, развивавшаяся на протяжении длительного времени и включавшая ряд стадиальных и локальных форм. Цель работы заключается в теоретическом осмыслении данной цивилизации как полицентрической и динамичной системы, обладающей устойчивым структурным ядром и способной воспроизводиться в различных природно-климатических, политических и культурных условиях. Методологической основой исследования является синтез цивилизационного, системного и историко-антропологического подходов. Цивилизация Великой степи рассматривается как открытая историческая система, в которой хозяйственные практики, военная организация, социальная структура и символическая культура функционируют как взаимосвязанные элементы. Особое внимание уделяется мобильности как базовому структурообразующему принципу степных обществ, определявшему формы социальной интеграции, политической консолидации и культурной преемственности. Эмпирическую основу анализа составляют интерпретационные модели, разработанные в рамках кочевниковедения, археологии и исторической антропологии. В результате исследования показано, что формирование цивилизации Великой степи связано с переходом к подвижному скотоводческому хозяйству и одомашниванием лошади в эпоху энеолита, что обеспечило высокую мобильность и сформировало военно-кочевую модель социальной организации. Выделены основные стадиальные этапы развития степной цивилизационной системы: сако-скифский, гунно-сарматский и тюркский, каждый из которых отражает последовательные трансформации единой цивилизационной матрицы. Установлено, что в средневековый период происходит формирование локальных вариантов данной цивилизации, включая тюрко-мусульманский и монголо-буддийский ареалы, а также адаптационные формы в Южной Сибири, Якутии и на западных рубежах степного мира. Сделан вывод о том, что цивилизация Великой степи представляет собой многополярную историческую систему с устойчивыми инвариантными характеристиками – мобильным хозяйственным укладом, военно-иерархической организацией общества, родо-клановой структурой, сакрализацией власти и особым типом пространственного мышления. Предложенный подход позволяет рассматривать смену этнонимов и политических образований не как разрывы исторической традиции, а как последовательные стадии развития единого цивилизационного комплекса. Полученные результаты создают теоретическую основу для более целостной интерпретации истории степных обществ и их роли в цивилизационной динамике Евразии.

Ключевые слова: цивилизация; цивилизационный подход; номадизм; мобильность; стадияльные этапы; локальные цивилизации; полицентрическая система

Для цитирования: Аби́ль Е., Кузембайулы А. Стадияльные и локальные варианты Цивилизации Великой Степи. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.156, no.3, с.96-114. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-96-114>

Финансирование. Исследование проводилось в рамках проекта "Комплексное междисциплинарное исследование интеллектуальной истории XX – первой четверти XXI вв. на основе анализа произведений казахстанских историков и литераторов" программы грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (IRN проекта: BR28713085)

Введение

В современной репрезентации национальной истории – не только Казахстана, но и многих других тюркских народов – сохраняется выраженная дискретность и фрагментарность исторического нарратива. Общества саков, усуней, гуннов, тюрков и поздних номадов трактуются как взаимосвязанные, но обособленные этнические и политические образования. Средневековые объединения тюрков, тюркешей, карлуков и других племенных союзов интерпретируются преимущественно как сменяющие друг друга самостоятельные государства, а не как последовательные династические и институциональные трансформации в рамках единого исторического процесса. Подобная оптика формирует устойчивую иллюзию неустойчивости и “прерывистости” государственности кочевых обществ, создавая представление о её вторичности или незрелости.

Возможным выходом из данной методологической ситуации выступает цивилизационный подход, способный преодолеть указанную фрагментацию. Он позволяет рассматривать национальную историю не как набор разрозненных этнополитических эпизодов, а как процесс зарождения, становления, трансформации и локальной дифференциации целостного исторического явления – Цивилизации Великой степи (ЦВС). В этом случае смена этнонимов, династий и политических центров предстает не как череда разрывов, а как внутренние стадии развития единой цивилизационной системы.

Проблема цивилизационной интерпретации истории Великой степи остаётся одной из наиболее дискуссионных в современной гуманитарной науке. На протяжении длительного времени кочевые общества Евразии рассматривались преимущественно сквозь призму эволюционистских и формационных моделей, в рамках которых номадизм трактовался как архаичная или переходная форма социальной организации. Даже в классических цивилизационных концепциях степной мир оказывался маргинализированным – как локальная цивилизация, лишённая внутренней динамики и исторической перспективы.

Во второй половине XX века предпринимаются попытки пересмотра данной парадигмы, в частности в работах Л. Гумилёва, где кочевые общества осмысляются как самостоятельный историко-культурный феномен. Однако вплоть до конца советского

периода эти подходы оставались альтернативными доминирующей формационной модели. Ситуация принципиально изменилась в конце XX – начале XXI века, когда в научный оборот активно вводится концепт Степной (Кочевой) цивилизации, а пространство Великой степи начинает рассматриваться как особая цивилизационная зона со своей логикой развития, формами социальной интеграции и механизмами культурной преемственности.

Современные исследования всё более отчётливо демонстрируют, что цивилизация Великой степи не может быть сведена ни к отдельным археологическим культурам, ни к последовательности “кочевых империй”. Она представляет собой длительно существующую историческую систему, основанную на специфической хозяйственной модели, высокой мобильности, военно-иерархической организации и особом типе пространственного мышления. При этом данная цивилизация никогда не была монолитной: её развитие осуществлялось через сочетание стадийных фаз и локальных модификаций, формировавшихся в различных природных, политических и конфессиональных контекстах.

Цель настоящей статьи заключается в теоретическом осмыслении ЦВС как полицентрической и динамичной системы, включающей как последовательные стадийные этапы (сако-скифский, гунно-сарматский, тюркский), так и устойчивые локальные варианты, сложившиеся в Средневековье и Новое время. Особое внимание уделяется выявлению базового цивилизационного ядра степного мира и механизмов его воспроизводства в различных исторических условиях.

Методологической основой исследования служит синтез цивилизационного, историко-антропологического и системного подходов, позволяющий рассматривать Великую степь не как периферию оседлых цивилизаций, а как самостоятельное цивилизационное пространство, обладавшее высоким адаптивным потенциалом и способностью порождать разнообразные культурно-политические формы. Такой ракурс открывает возможности для дефрагментации исторического нарратива и более целостной интерпретации места степных обществ в мировой истории.

Материалы и методы

В основу настоящего исследования положен цивилизационный подход, рассматривающий Великую степь как целостную историко-культурную систему, обладающую собственными механизмами воспроизводства и внутренней динамикой. При этом используются положения, разработанные в рамках классической цивилизационной теории Арнольд Тойнби, а также отечественной традиции, представленной трудами Льва Гумилёва, однако без воспроизведения их эволюционистских и телеологических установок.

Цивилизация Великой степи трактуется не как территориально замкнутое или культурно однородное образование, а как открытая полицентрическая система, развитие которой осуществлялось через сочетание стадийных фаз и локальных модификаций. Такой подход позволяет выйти за рамки линейных схем и рассматривать степной мир как пространство множественных исторических траекторий, объединённых общим цивилизационным ядром.

Существенное методологическое значение имеет системный анализ, в рамках которого хозяйственные практики, военная организация, социальная структура и символическая

сфера интерпретируются как взаимосвязанные элементы единого комплекса. Мобильность рассматривается не как частный признак нomaдизма, а как базовый структурообразующий принцип, определявший формы социальной интеграции, политической консолидации и культурной трансмиссии в пределах Великой степи.

Историко-антропологический ракурс используется для реконструкции устойчивых моделей поведения и ментальных установок степных обществ – родо-клановой организации, воинской этики, механизмов сакрализации власти и представлений о пространстве. Археологические материалы привлекаются прежде всего как индикаторы цивилизационных процессов, отражающие трансформации хозяйственного уклада, военного дела и символических кодов.

В совокупности указанные методологические позиции позволяют рассматривать цивилизацию Великой степи как многополярную историческую систему, в рамках которой стадильные этапы развития сочетаются с устойчивыми локальными вариантами. Такой подход делает возможным выявление инвариантных структур степной цивилизационной матрицы и прослеживание путей их адаптации в различных природно-климатических, политических и конфессиональных контекстах.

Эмпирическую основу настоящего исследования образуют концепции и научные представления, сформированные в рамках кочевниковедения и смежных дисциплин – археологии, исторической антропологии и исторической социологии. В качестве источниковой базы используются прежде всего интерпретационные модели, предложенные в трудах исследователей, рассматривающих степные общества как самостоятельный цивилизационный феномен.

Ключевое значение имеют работы, в которых предприняты попытки целостного осмысления кочевого мира Евразии, от ранних теоретических построений до более поздних разработок, ориентированных на выявление структурных характеристик Степной цивилизации. Особое место занимают концепции М. Козыбаева, заложившие основы отечественной трактовки цивилизации Великой степи как исторически устойчивой системы, а также исследования Н. Масанова, в которых анализируются социальные механизмы кочевого общества, его хозяйственная модель и формы политической организации. Эмпирический материал дополняется трудами современных авторов, рассматривающих нomaдизм в контексте цивилизационной динамики, где акцент делается на военно-кочевой структуре степных обществ и их интегративной роли в евразийском пространстве.

При этом под эмпирической базой понимается не совокупность первичных археологических данных как таковых, а корпус научных интерпретаций, реконструирующих социальные, политические и культурные параметры кочевых обществ. Именно эти концептуализированные представления рассматриваются как материал для выявления инвариантных структур цивилизации Великой степи и прослеживания её стадильно-локальных трансформаций.

Таким образом, исследование опирается на вторичную, теоретически осмысленную эмпирику – совокупность научных моделей, описывающих хозяйственные практики, формы власти, военную организацию и символические системы степного мира. Их сравнительный анализ позволяет реконструировать цивилизационное ядро ЦВС и выявить механизмы его воспроизводства в различных исторических контекстах.

Литературный обзор

Длительное время в науке цивилизационный подход к истории кочевников ограничивался теорией Тойнби и его взглядами на номадов как представителей локальной цивилизации, застывшей в своем развитии и лишенной внутренней потенции (Тойнби 1996: 77-79). Отдельные попытки рассматривать представителей скотоводческого мира евразийских степей как самостоятельную цивилизацию предпринимались в трудах Л. Гумилева (Гумилев 1993), однако в условиях господства формационного подхода речи о развитии теории локальных цивилизаций применительно к истории народов степной Евразии не могло быть.

Лишь в начале 90-х годов научный дискурс вокруг возможности формирования и существования особой Степной или Кочевой цивилизации возродился. В настоящее время о существовании самостоятельной цивилизации кочевников говорят как казахстанские М. Козыбаев (1991, 2000); Н. Масанов (Масанов 1995), А. Оразбаева (Оразбаева 2005), российские (Буровский 1995, Мартынов 2000, Боталов 2006), так и европейские исследователи Ч. Коппань (Коппань 2010). Для отражения национальной истории цивилизационный подход при всех своих недостатках, является наиболее приемлемым, так как дает возможность рассматривать общества на территории Центральной Азии и Казахстана не как периферию, а как самостоятельные общества, бывшие в определенные периоды истории в центре мировых событий. Необходимо продолжить работу по теоретическому обоснованию единой цивилизации Великой степи.

Критерии выделения цивилизации впервые были сформулированы Гордоном Чайлдом. Он предложил десять признаков, в которые включил города, монументальные общественные строения, налоги или дань, интенсивная экономика, в том числе торговля, выделение ремесленников-специалистов, письменность и зачатки науки, развитое искусство, привилегированные классы и государство (Childe 1950). Следует отметить, самим Г. Чайлдом данные признаки относились скорее к т.н. "городским" цивилизациям в отличие от предшествующих обществ, т.е. к "цивилизации" в ее эволюционистском, стадийном понимании.

Позже, в ходе проходившей в 1958 г. дискуссии по древним городам К. Клакхон предложил сократить список Г. Чайлда до трех признаков – монументальная архитектура, города и письменность (City 1960: 397). Эти три признака, получившие название триады Чайлда-Клакхона, соединенные целой системой причинно-следственных связей с социальными и политическими процессами, протекавшими в обществе, образуют видимую вершину огромного айсберга культуры первых цивилизаций. Указанная триада выразительно характеризует цивилизацию в первую очередь именно как культурный комплекс (Массон 1989).

После этого делались неоднократные попытки пересмотреть или разнообразить критерии выделения цивилизаций. Особенно актуально это было в свете того, что триада Чайлда-Клакхона отражала больше эволюционистский подход, нежели собственно цивилизационный. В частности, советский и российский историк Э. Фролов отмечал, что "критерием возведения отдельного культурного очага в ранг значимой исторической цивилизации ... должна быть общность геополитических условий, исконное языковое родство, единство или близость экономического и политического строя, культуры (включая религию) и менталитета" (Фролов 2006: 98). В принципе, можно видеть, что Степная цивилизация, выделенная М. Козыбаевым, соответствует и

критериям Г. Фролова. Однако такой критерий, как “исконное языковое родство”, следует поставить под сомнение, так как многие выделенные целым рядом исследователей и ставшие “классическими” локальные цивилизации не соответствуют этому критерию, в частности, индийская или западноевропейская. В полной мере это относится и к Степной цивилизации, в рамках которой выделяются общества, сформированные носителями индоиранских, тюркских и монгольских языков.

Одной из первых концепций, претендующих на развитие идей А. Тойнби и рассматривающих глобальные исторические системы, является теория Р. Таагеперы ([Taagepera](#) 1978). Предпринятая им попытка системно осветить процессы территориальных изменений и отобразить количественно размеры крупнейших военно-политических систем на протяжении 5000 лет привела к появлению комплекса организованных данных, до сих пор активно используемых исследователями глобальных исторических процессов.

На основе концепции Р. Таагеперы возникла теория “Центральной цивилизации” Д. Уилкинсона. Ее основной тезис заключается в том, что исторический процесс представляет собой поступательное и непрерывное развитие исторической макроструктуры, именуемой “Центральной Цивилизацией” ([Wilkinson](#) 1995: 47-48). Д. Уилкинсон рассматривает дальнейший рост Центральной цивилизации как равномерный и последовательный процесс без признаков каких-либо спадов, в ходе которого в центральную систему последовательно вливаются другие цивилизации. Неуклонный рост комплексной структуры, отдельные фазы которого знаменуются присоединением к “центру” очередных региональных структур, завершается глобальной фазой Центральной цивилизации – объединением всех мировых систем в одну. Недостатком данной теории следует признать ее явный европоцентризм и преимущественное внимание к анализу экономических и политических феноменов, игнорирование такой составляющей человеческой деятельности, как культурные феномены.

Попытка модернизировать подход Д. Уилкинсона была сделана К. Чейз-Даном и Д. Холлом ([Chase-Dunn](#) 1997). В их концепции основное место в развитии исторических систем занимают сети военно-политического взаимодействия, предтечами слияния которых становятся сети торговли товарами роскоши, налаживанию которых в свою очередь предшествует установление системы систематических информационных контактов. Конвертируя понятия “цивилизация” и “торговая ойкумена” Д. Уилкинсона соответственно в понятия сетей, К. Чейз-Дан и Д. Холл, не подвергая сомнению базисную идею о слиянии многих отдельных систем в одну, предлагают несколько иную периодизацию процесса становления Центральной цивилизации. Собственно, номады как самостоятельный субъект исторического процесса в данных концепциях отсутствуют, они, как и в теории А. Тойнби, – лишь фоновый фактор при развитии Центральной цивилизации.

Тем не менее, несмотря на критику цивилизационных подходов ([Алаев](#) 2008), концепт Степной или Кочевой цивилизации последние десятилетия стал активно использоваться в работах как казахстанских, так и зарубежных исследователей. Понятие Великая Степь (Ұлы Дала) как синоним евразийского степного пояса, а также понятие “Степная цивилизация” были актуализированы в известной статье Н. Назарбаева, посвященной проблемам модернизации исторического сознания казахстанцев ([Назарбаев](#) 2018). Из представителей постсоветской науки следует отметить работы по изучению цивилизационных характеристик кочевого общества А. Буровского ([Буровский](#) 1995), А. Мартынова ([Мартынов](#) 2000), К. Исаева ([Исаев](#) 2012), С. Боталова ([Боталов](#) 2006;

Боталов 2009), А. Железнякова (Железнякова 2016). Концепция Степной цивилизации М. Козыбаева стала базой для развития особого направления в отечественном кочевниковедении и была продолжена трудами Н. Масанова (Масанов 1995), Б. Кумекова (Кумеков 2003), А. Оразбаевой (Оразбаева 2005), А. Бакировой (Бакирова 2018), Г. Каженовой (Каженова 2016).

Особо следует отметить труды, в которых цивилизационное единство постулируется для отдельных хронологических этапов или географических единиц Великой степи. В частности, в совместной монографии Н. Абаева и Н.Г. Аюпова обосновывается существование т.н. Тенгрианской цивилизации, основанной на оригинальной религиозно-философской системе (Абаев, Аюпов 2009). Есть работы, выделяющие сменяющие друг друга стадияльные “степные” цивилизации, выделяющие “этнические” цивилизации – казахскую (Н. Масанов), кыргызскую (К. Исаев), монгольскую (А. Железняков) и т.п. В 2008-2017 годах в Казани издавался ежегодный научный сборник “Золотоордынская цивилизация”. Несмотря на достаточно плодотворное исследование проблем Степной цивилизации, остается ряд проблем, до сих пор не нашедших окончательного решения как в национальной, так и в мировой историографии.

Результаты и обсуждение

Момент формирования цивилизации Великой степи (ЦВС) неразрывно связан с возникновением подвижного комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства и фактически восходит к эпохе энеолита. Принципиальное значение на этом этапе имело одомашнение лошади, радикально изменившее хозяйственную, пространственную и военную организацию степных обществ. Именно конь сделал возможными дальнюю мобильность, эффективное освоение обширных пастбищных пространств и формирование специфического типа военно-кочевой культуры.

Ключевым археологическим свидетельством данного перелома выступает Ботайская культура Северного Казахстана, где фиксируются ранние признаки коневодства – массовые костные остатки лошади, следы упряжи и ферментации кобыльего молока (Зайберт 2011). В этом контексте Ботай следует рассматривать не просто как локальный археологический феномен, а как одну из исходных точек формирования степной цивилизационной матрицы.

Именно в энеолите складываются базовые структурные параметры ЦВС: мобильность как фундаментальный принцип жизнеустройства, сезонная ротация хозяйственных циклов, комбинирование кочевых и оседлых практик, а также военная организация общества как механизм социальной интеграции. Уже на ранних этапах ЦВС проявляет свойства открытой и динамичной системы, способной к адаптации в различных природно-климатических условиях.

При этом очевидно, что данная цивилизационная общность никогда не была монолитной. Напротив, она изначально развивалась как полицентрическое образование, включавшее специфические стадияльные и региональные проявления – своеобразные стадияльно-локальные цивилизации, функционировавшие в качестве подсистем ЦВС. Эти подсистемы отражали различные траектории исторического развития и формы культурной адаптации, сохраняя при этом общее цивилизационное ядро: приоритет мобильности, родо-клановую социальную структуру, воинскую этику и особый тип

пространственного мышления.

В качестве яркого стадиального варианта ЦВС можно выделить сако-скифскую цивилизацию (Самашев 2016). Она формируется синхронно с окончательным утверждением мобильного скотоводства и представляет собой первую зрелую форму степной цивилизационной системы. Её отличительной особенностью выступает специфический комплекс материальной культуры, известный как “скифская триада”, включающий вооружение (прежде всего составной лук и акинаки), конское снаряжение и художественный “звериный стиль”. Данный комплекс обеспечивал не только технологическое, но и символическое единство разнородных по происхождению обществ Великой степи – от Восточной Европы до пустыни Гоби.

Важно подчеркнуть, что “скифская триада” была не просто набором археологических признаков, а выражением целостной военно-кочевой модели мира. Она отражала особый тип социальной организации, основанный на военной мобильности, культе коня, сакрализации воинской элиты и героической этике. Через эту систему кодировались представления о власти, пространстве и статусе, формировалась надплеменная идентичность, позволявшая интегрировать различные этнические группы в единое цивилизационное поле.

В этом смысле сако-скифская цивилизация выступает первой “классической” стадией ЦВС, когда степная цивилизационная матрица приобретает устойчивую форму: складывается модель кочевой военной демократии, оформляется иерархия знати, закрепляются каноны погребального обряда и символического искусства (Мартынов, 2000). Именно на этом этапе Великая степь превращается из пространства локальных культур в целостную цивилизационную зону с общими нормами, технологиями и ментальными установками.

Тем самым сако-скифский мир следует рассматривать не как совокупность отдельных археологических культур, а как интегрированную стадиальную цивилизацию, заложившую фундамент всех последующих форм развития ЦВС – от тюркского этапа до средневековых локальных вариантов.

Гунно-сарматский этап занимает особое место в развитии цивилизации Великой степи, выступая переходным звеном между сако-скифским миром и последующей тюркской стадией. Хронологически охватывая последние века до н.э. и первые века н.э., он характеризуется резким усилением мобильности, ростом военно-политической консолидации и формированием надплеменных союзов, способных к масштабным миграциям и экспансии.

Если сако-скифская цивилизация заложила основы степной цивилизационной матрицы, то гунно-сарматский период стал этапом её радикальной динамики. Именно здесь окончательно оформляется модель “военно-кочевой империи”: усиливается роль конницы как решающей военной силы, возрастает значение харизматического лидерства, формируются протогосударственные структуры с жёсткой иерархией и дисциплиной. Пространство Великой степи начинает восприниматься не как совокупность локальных ареалов, а как единое стратегическое поле.

Сарматский компонент данного этапа отражает западный вектор развития ЦВС, связанный с трансформацией скифского наследия и его интеграцией в новые военно-политические конфигурации. Гуннский импульс, в свою очередь, стал катализатором глубинных цивилизационных сдвигов: он запустил процессы масштабных этнокультурных перемещений, разрушил прежние региональные балансы и продемонстрировал

потенциал степных обществ к созданию сверхрегиональных политических образований.

В цивилизационном плане гунно-сарматский этап знаменует переход от относительно “горизонтальной” сако-скифской системы к более “вертикализированной” модели власти, где военная элита приобретает выраженный надплеменной характер, а политическая организация становится более централизованной. Одновременно происходит дальнейшая стандартизация военного дела, усложнение социальной стратификации и усиление интеграционных механизмов внутри степного мира.

Тем самым гунно-сарматский период следует рассматривать не как эпизод “варварских нашествий”, а как самостоятельную стадию развития ЦВС – фазу ускоренной цивилизационной перестройки, подготовившую почву для формирования тюркской цивилизации с её письменной традицией, надплеменными институтами и устойчивыми формами государственности.

Другим важным стадийным вариантом ЦВС выступает тюркская цивилизация, интегративным маркером которой являлись общий письменный язык и единая руническая традиция, зафиксировавшие переход от преимущественно устной культуры к формам надплеменной политической и символической коммуникации. Появление собственной письменности отражает качественное усложнение степного общества: институционализацию власти, формирование исторической памяти и осознание политического пространства как целостности.

В этом контексте представляется методологически некорректным определять тюркскую цивилизацию исключительно как “тенгрианскую”. Хотя представления о Небе (Тенгри), сакрализация власти и космологическая вертикаль действительно играли важную роль в идеологии раннетюркских государств, конфессиональный фактор не был определяющим для цивилизационного единства. В рамках тюркского мира сосуществовали буддийские, христианские, манихейские и различные шаманистские сообщества, при этом сохранялись общие социальные и политические структуры (Сураганова 2026).

Это указывает на то, что интегративным основанием тюркской цивилизации являлась не религиозная доктрина, а степная социальная матрица: военно-иерархическая организация, родо-клановая система, мобильный образ жизни, культ воинской доблести и сакрализация правящей элиты. Именно эти элементы обеспечивали воспроизводство цивилизационного единства при высокой конфессиональной вариативности. Таким образом, тюркская цивилизация представляет собой не конфессиональный, а структурный этап развития ЦВС – стадию, на которой происходит формирование надплеменных политических образований, закрепление письменной традиции и усложнение символических кодов при сохранении базовых принципов степного цивилизационного ядра.

С X века на западе Великой степи начинается формирование Тюрко-мусульманской (Туранской) цивилизации – процесса, связанного с исламизацией тюркских элит, институционализацией городской культуры и включением степного мира в общеисламское интеллектуальное и торговое пространство (Сафаров 2015; Шораев 2025). Важным рубежом здесь выступает эпоха Караханидского государства, когда ислам впервые становится государственной религией тюркских обществ и начинает выполнять интегративную функцию, объединяя кочевой и оседлый компоненты региона. Тогда же формируется историко-политический миф о Туране как стране тюрков и прямой исторической связи между легендарным Афрасиабом и политическими элитами тюркского мира (Бартольд 1968: 79). Казахские ханы вплоть до 18 века считали себя

“сидящими на троне Афрасиаба” (Эпистолярное наследие 2014: 93)

На этой основе складывается особый цивилизационный синтез, в рамках которого сохраняются ключевые элементы степной матрицы (военно-кочевая организация, родо-клановая структура, культ воинской доблести, мобильность), но они дополняются нормами мусульманского права, письменной традицией и развитой городской инфраструктурой. Позднее данный тип цивилизационного устройства получает дальнейшее развитие в пространстве Улуса Джучи и сопредельных политических образований, формируя устойчивый тюрко-исламский ареал от Нижнего Поволжья до Мавераннахра.

После XIII века на востоке Великой степи, в контексте экспансии Монгольской империи, складывается иной локальный вариант ЦВС – Монголо-буддийский (Железняков 2009). Здесь в качестве цивилизационного “клея” постепенно утверждается буддизм тибетского образца, который, подобно исламу на западе, интегрирует разнородные племенные и региональные сообщества в единое культурно-политическое пространство. При этом и в этом случае базовые степные структуры – военная иерархия, сакрализация власти, кочевая мобильность – не исчезают, а получают новое символическое и идеологическое наполнение.

Таким образом, тюрко-мусульманский и монголо-буддийский варианты представляют собой уже не просто стадияльные фазы развития ЦВС, а её локальные цивилизационные модификации, сформированные под воздействием различных мировых религиозных традиций и региональных исторических траекторий. Если ранние формы цивилизации Великой степи можно охарактеризовать как преимущественно “горизонтальные” (объединённые хозяйственным укладом и военной культурой), то начиная со Средневековья она приобретает выраженную “вертикальную” дифференциацию – с собственными центрами, сакральными системами и культурными кодами на западе и востоке. Более того, мы видим нарастающее противостояние между восточной и западной моделями ЦВС, ярко выразившуюся в вековом противостоянии ойратов и казахов. В этом смысле ЦВС предстает не как линейная последовательность стадий, а как многополярная цивилизационная система, способная порождать устойчивые локальные миры на основе единого степного ядра.

В качестве локальных проявлений ЦВС также следует рассматривать такие специфические культурно-цивилизационные общности, как Якутская (Саха) и Южносибирская (Древнекыргызская) цивилизации, которые, выходя территориально за пределы классического степного пояса, сохраняли с ним глубокую структурную и ценностную общность.

Их формирование происходило в иных природно-климатических условиях – таёжных, лесостепных и горных, – однако базовая цивилизационная матрица Великой степи при этом не была утрачена, а подверглась функциональной трансформации. Подвижное скотоводство здесь адаптировалось к северным и горным ландшафтам, усиливалась роль охоты и сезонных промыслов, менялись типы поселений, но сохранялись ключевые принципы социальной организации: родо-клановая структура, высокая мобильность, приоритет воинской функции, сакрализация власти и особый статус военной элиты.

Показательно, что в обеих общностях устойчиво воспроизводились характерные для ЦВС элементы: культ коня (пусть и в модифицированном виде), героико-эпические традиции, развитая устная историческая память, а также представления о мире как о иерархически организованном космосе, где человек, род и территория образуют неразрывное целое. Эти черты указывают не на случайное культурное сходство, а на

принадлежность к единому цивилизационному полю.

Южносибирская (Древнекыргызская) традиция демонстрирует классический пример “горно-степной” модификации ЦВС, в которой кочевая военная культура сочетается с элементами оседлости и региональной государственности (Козодой 2025). Якутская цивилизация, в свою очередь, представляет собой северный адаптационный вариант степной модели: переселившись в экстремальные климатические условия, носители степной традиции смогли сохранить её ключевые структурные признаки, встроив их в таёжную экосреду (Царьков 2022).

Тем самым данные общности следует трактовать не как периферийные или маргинальные образования, а как полноценные локальные варианты цивилизации Великой степи – примеры того, как ЦВС выходила за рамки собственно степного пространства, формируя устойчивые культурно-исторические системы в иных природных зонах. Это наглядно демонстрирует её высокую адаптивность и способность порождать новые цивилизационные формы без утраты своего базового ядра. К локально-стадиальным вариантам ЦВС можно отнести и феномен славянского казачества на крайнем западе Великой степи (Казачество 2018). Несмотря на его восточ-нославянскую этнокультурную основу, казачество формировалось непосредственно в степном пограничье и в значительной мере воспроизводило базовые структурные черты цивилизации Великой степи.

Речь идёт прежде всего о таких общностях, как Запорожское казачество, Донское казачество и Яицкое казачество, возникших в зоне длительного контакта оседло-земледельческого мира с кочевым степным пространством. Их социальная организация, военная демократия, мобильный образ жизни, культ воинской доблести и специфическая хозяйственная модель (сочетание земледелия, скотоводства, охоты, рыболовства и военного промысла) обнаруживают прямые типологические параллели с более ранними степными обществами.

В институциональном плане казачество воспроизводило характерные для ЦВС формы самоорганизации: выборность власти, коллективную ответственность, приоритет военной функции и высокую степень автономности по отношению к внешним государственным центрам. Культурно-антропологически оно унаследовало ряд элементов степной традиции – от военной тактики и коневодства до особенностей костюма, вооружения и повседневной практики. Не случайно в материальной культуре и символике казачества прослеживаются мотивы, восходящие к тюркско-монгольскому миру. В. Грибовский, анализируя образ легендарного основателя Запорожского казачества Казака Мамай, говорит о прямых параллелях с тюркскими номадами (Грибовский 2021).

Таким образом, славянское казачество следует рассматривать не как внешнее по отношению к ЦВС явление, а как её западный локально-стадиальный вариант – своеобразную адаптацию степной цивилизационной матрицы в условиях взаимодействия с христианским и земледельческим миром Восточной Европы. В этом смысле казачество выступает примером того, как цивилизация Великой степи порождала новые социальные формы за пределами собственно кочевого ядра, сохраняя при этом свои базовые структурные принципы.

Заключение

Проведённый анализ позволяет рассматривать цивилизацию Великой степи не

как совокупность разрозненных этнополитических образований или череду “кочевых империй”, а как длительно существующую, полицентрическую историческую систему со стабильным цивилизационным ядром и высокой адаптивной способностью. В рамках предложенного подхода становится очевидным, что смена сако-скифского, гунно-сарматского и тюркского этапов отражает не разрывы исторической традиции, а последовательные стадияльные трансформации единой степной цивилизационной матрицы. Ключевыми инвариантами ЦВС выступают мобильный хозяйственный уклад, военно-иерархическая организация общества, родо-клановая структура, сакрализация власти и особый тип пространственного мышления. Именно эти элементы обеспечивали воспроизводство цивилизационного единства при высокой этнической, конфессиональной и региональной вариативности. Конь, воинская этика и культ мобильности формировали фундамент социальной интеграции, позволяя степному миру создавать масштабные политические образования и оказывать системное воздействие на евразийские процессы.

Показано, что ранние стадии ЦВС (сако-скифская и гунно-сарматская) заложили основы военно-кочевой модели, тогда как тюркский этап ознаменовал институциональное усложнение цивилизации – появление письменности, надплеменных структур и устойчивых форм государственности. Средневековый период характеризуется переходом от преимущественно стадияльного развития к формированию локальных цивилизационных вариантов – тюрко-мусульманского на западе и монголо-буддийского на востоке, а также адаптационных форм в Южной Сибири, Якутии и даже на западных рубежах степного мира в лице славянского казачества.

Тем самым ЦВС предстает как многополярная система, способная порождать устойчивые культурно-исторические миры за пределами собственно степного пространства, не утрачивая при этом своего структурного ядра. Локальные цивилизации и стадияльные этапы следует трактовать как подсистемы единого цивилизационного комплекса, а не как автономные или изолированные феномены.

Предложенная интерпретация позволяет преодолеть фрагментарность традиционного исторического нарратива и по-новому осмыслить место степных обществ в мировой истории – не как периферийных акторов, а как носителей самостоятельной цивилизационной логики. В этом контексте история Великой степи предстает процессом непрерывной трансформации, где преемственность оказывается важнее смены этнонимов и политических центров.

Дальнейшие исследования в данном направлении предполагают углублённый сравнительный анализ локальных вариантов ЦВС, а также более детальную реконструкцию механизмов цивилизационного воспроизводства в условиях внешних культурных и религиозных влияний. Такой подход открывает перспективы формирования целостной модели степной цивилизационной динамики и её интеграции в общую картину развития Евразии.

Acknowledgements

I express my gratitude to the editorial board and scientific reviewers for their scientific support of the article.

Алғыс білдіру

Мақаланы ғылыми сүйемелдеуде редакцияға және ғылыми рецензенттерге алғысымды білдіремін

Благодарности

Выражаю благодарность редакции и научным рецензентам в научном сопровождении статьи.

Список литературы

- City invisible: A Symposium on urbanisation and cultural development in the ancient Near East.* University of Chicago Press. Chicago. 1960. 448 p.
- Chase-Dunn C., Hall T. *Rise and Demise: Comparing World-Systems.* Westview Press. 1997. 203 p.
- Childe G. The Urban Revolution. Author(s): V. Gordon Childe. *The Town Planning Review.* Vol.21, no.1 (Apr., 1950), pp.3-17. Published by: Liverpool
- Taagepera R. Size and Duration of Empires: Systematics of Size. *Social Science Research.* 1978. No.7, pp.108-270.
- Shorayev B., Darmenov R. Islam and the Oghuz in the Aral Region (on Studies of the Jankent Settlement). *Gumilyov Journal of History.* 2025. Vol.152, no.3S1, pp.68-83, <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-152-3S1-68-83>.
- Wilkinson D. *Central Civilization. Civilization and World Systems: Studing World-Historical Change.* Walnut Creek, CA: Altamira Press. 1995. 324 p.
- Абаев Н., Аюпов Н. *Тэнгрианская цивилизация в духовно-культурном и геополитическом пространстве Центральной Азии. Часть 1. Тэнгрианство и этно-экологические традиции тюрко-монгольских народов Внутренней Азии.* Абакан: (б.и.) 2009. 250 с.
- Алаев Л. Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России. *Историческая психология и социология истории.* 2008. No.2, с.87-112.
- Бакирова А. К вопросу о понимании категории “степная цивилизация” в рамках цивилизационно-культурного подхода. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. Вернадского. Юридические науки.* 2018. Т.4(70), no.2, с.3-8.
- Бартольд В. *Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии.* Сочинения. Т.V. Москва: Наука. 1968. 757 с.
- Боталов С. Кочевая цивилизация Евразии в пространстве и времени. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки.* 2006. No.17(72), с.14-20.
- Боталов А. Кочевнический город как особое культурное явление кочевой цивилизации Евразии. *Вестник Челябинского государственного университета.* 2009. No.28(166). История. Вып.34, с.13-19.
- Буровский А. *Степная скотоводческая цивилизация: критерии описания, анализа и сопоставления.* Цивилизация. Вып.3. Москва. 1995. С.151-164.
- Грибовський В. Картина “Козак Мамай”: витоки образу й ногайські паралелі. *Україна в Централь-но-Східній Європі.* Вип. 19-20. Київ: Інститут історії України. 2021. С.285-334.
- Гумилев Л. *Тысячелетие вокруг Каспия.* Москва: Мишель и Ко. 1993. 336 с.
- Железняков А. Кочевая цивилизация: тупик или перспективы развития. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика.* 2009. No.2, с.58-61.
- Железняков А. *Монгольская цивилизация: история и современность. Теоретическое обоснование атласа.* Москва: Издательство “Весь Мир”. 2016. 288 с.
- Зайберт В. *Ботай. У истоков степной цивилизации.* Алматы: Балауса. 2011. 480 с.
- Исаев К. Цивилизация кочевников: уникальность феномена и об его вкладе в развитие мировой цивилизации. *Известия вузов.* 2012. No.1, с.176-179.
- Каженова Г. Цивилизация евразийских кочевников в призме научных парадигм. *Отан тарихы.*

2016. No.4 (76), с.5-11.

- Казачество в тюркском и славянском мирах*. Отв. ред.: В. Грибовский, В. Трепавлов. Казань: Институт археологии им. А. Халикова АН РТ. 2018. 804 с.
- Козодой В. *Цивилизация сибирских кыргызов*. Новосибирск: (б.и.). 2025. 748 с.
- Козыбаев М. *Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски*. В двух книгах. Кн.1. Алматы: Ғылым. 2000. 388 с.
- Козыбаев М. и др. Ключ и врата к азиатским странам. *Казахстанская правда*. 1991. 16 мая.
- Коппань Чайи Ласло. Степная цивилизация и регион Урала. *Челябинский гуманитарий*. 2010. No.3, с.138-146.
- Кумеков Б. О степной цивилизации. Казахская цивилизация в контексте мирового исторического процесса. *Мат. межд. конф.* 7-8 мая 2003 г. Алматы. 2003. С.72-77.
- Мартынов А. Два этапа развития степной скотоводческой цивилизации. *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии*. Улан-Удэ: БНЦ СОРАН. 2000. С.80-84.
- Масанов Н.Э. *Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельностиномадного общества*. Алматы: Социвест, М.: Горизонт, 1995. 320 с.
- Массон В. *Первые цивилизации*. Ленинград: Наука. 1989. 268 с.
- Назарбаев Н. *Семь граней Великой степи*. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 21 ноября 2018 года. Электронный ресурс. https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi. Дата обращения 01.02. 2026
- Оразбаева А. *Цивилизация кочевников евразийских степей*. Алматы: "Дайк-Пресс". 2005. 311 с.
- Самашев З., Боковенко Н., Чотбаев А., Кариев Е. Культура саков и скифов великого пояса евразийских степей. *Мир Большого Алтая*. 2016. No.2(4.2), с.824-848.
- Сафаров Р. О роли тюрков в расширении мусульманского ареала. *Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения*. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 2015. С.261-271.
- Сураганова З., Бурбаева С., Толегенулы К. Средневековое городище Бозок: от культового центра к культурному манифесту степной Евразии. *Gumilyov Journal of History*. 2026. T.155, no.2, pp.13-33. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-202>
- Тойнби А. *Постижение истории*. Москва: Прогресс. 1996. 736 с.
- Фролов Э. Проблема цивилизаций в историческом процессе. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. История. 2006. No.2, с.96-100.
- Царьков О. Очерки истории Саха. Тайга и Великая Степь. *Concorde*. 2022. No.1, с.47-96.
- Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675-1821 гг. *Сборник исторических документов в 2-х томах*. Том I: Письма казахских правителей. 1675-1780 гг. Алматы: АО "АБДИ Компани". 2014. 689 с.

References

- City invisible: A Symposium on urbanisation and cultural development in the ancient Near East*. University of Chicago Press, Chicago. 1960. 448 p. (in English)
- Chase-Dunn C., Hall T.D. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Westview Press, 1997. 203 p. (in English)
- Childe G. The Urban Revolution. V. Gordon Childe. *The Town Planning Review*. Apr. 1950. Vol.21, no.1, pp.3-17. Published by: Liverpool. (in English)
- Taagepera R. Size and Duration of Empires: Systematics of Size. *Social Science Research*. 1978. No.7, pp.108-270. (in English)
- Shorayev B., Darmenov R. Islam and the Oghuz in the Aral Region (on Studies of the Jankent Settlement).

- Gumilyov *Journal of History*. 2025. Vol.152, no.3S1, pp. 68-83, <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-152-3S1-68-83>. (in English)
- Wilkinson D. *Central Civilization. Civilization and World Systems: Studing World-Historical Change*. Walnut Creek, CA: Altamira Press. 1995. 324 p. (in English)
- Abaev N., Ajupov N. *Tjengrianskaja civilizacija v duhovno-kul'turnom i geopoliticheskom prostranstve Central'noj Azii*. Chast' 1. Tjengrianstvo i jetno-jekologicheskie tradicii tjurko-mongol'skih narodov Vnutrennej Azii. Abakan. 2009. 250 p. (In Russian)
- Alaev L. Smutnaja teorija i spornaja praktika: o novejshih civilizacionnyh podhodah k Vostoku i k Rossii. *Historical Psychology and the Sociology of History*. 2008. No.2, pp.87-112. (In Russian)
- Bakirova A. K voprosu o ponimanii kategorii "stepnaja civilizacija" v ramkah civilizacionno-kul'turnogo podhoda. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences*. 2018. Vol.4(70), no.2, pp.3-8. (In Russian)
- Bartold V. *Dvenadcat' lekcij po istorii tureckih narodov Srednej Azii*. Sochinenija. Vol.V. Moscow.: Nauka. 1968. 757 p. (In Russian)
- Botalov S. Kochevaia tsivilizatsiia Evrazii v prostranstve i vremeni. *Bulletin of South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*. 2006. No.17(72), pp.14-20. (In Russian)
- Botalov A. Kochevnicheskii gorod kak osoboe kul'turnoe iavlenie kochevoi tsivilizatsii Evrazii. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009. No.28(166). Istorija. Issue.34, pp.13-19. (In Russian)
- Burovskij A. *Stepnaia skotovodcheskaia tsivilizatsiia: kriterii opisaniia, analiza i sopostavleniia*. Civilization. Is.3. Moscow.1995. Pp.151-164. (In Russian)
- Gribovskij V. Kartyna 'Kozak Mamai': vytyky obrazu y nogayski paraleli. *Ukraina v Central'no-Shidnij Evropi*. Is.19-20. Kiiv: Institut istorii Ukraïni. 2021. Pp.285-334. (In Ukrain)
- Gumilev L. *Tysjacheletie vokrug Kaspija*. Moscow: Mishel' i Ko. 1993. 336 p. (In Russian)
- Zheleznyakov A. Kochevaia tsivilizatsiia: tupik ili perspektivy razvitiia. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2009. No.2, pp.58-61. (In Russian)
- Zheleznyakov A. *Mongol'skaia tsivilizatsiia: istoriia i sovremennost'*. Teoreticheskoe obosnovanie atlasa. Moscow: Publ. house "The Whole World". 2016. 288 p. (In Russian)
- Zajbert V. Botaj. *U istokov stepnoi tsivilizatsii*. Almaty: Balansa. 2011. 480 p. (In Russian)
- Isaev K. Tsivilizatsiia kochevnikov: unikal'nost' fenomena i ego vklad v razvitie mirovoi tsivilizatsii. *Proceedings of Higher Educational Institutions*. 2012. No.1, pp.176-179. (In Russian)
- Kazhenova G. Tsivilizatsiia evraziiskikh kochevnikov v prizme nauchnykh paradigm. *History of the Homeland*. 2016. No.4(76), pp.5-11. (In Russian)
- Kazachestvo v tiurkskom i slavianskom mirakh. Kazan': Institut arheologii im. A.H. Halikova AN RT*. 2018. 804 p. (In Russian)
- Kozodoj V. *Civilizacija sibirskih kyrgyzov*. Novosibirsk: (b.i.). 2025. 748 p. (In Russian)
- Kozybaev M. *Kazahstan na rubezhe vekov: razmyshlenija i poiski*. Almaty: Gylym. 2000. 388 p. (In Russian)
- Kozybaev M. i dr. Kljuch i vrata k aziatskim stranam. *Kazakhstanskaya Pravda*. May 16, 1991. (In Russian)
- Koppan Chaji Laslo. Stepnaja civilizacija i region Urala. *Chelyabinsk Humanitarian*. 2010. No.3, pp.138-146. (In Russian)
- Kumekov B. O stepnoj civilizacii. *Kazakh Civilization in the Context of the World Historical Process. Proceedings of the International Conference*. May 7-8, 2003. Almaty. 2003. Pp.72-77. (In Russian)
- Martynov A. Dva etapa razvitiia stepnoi skotovodcheskoi tsivilizatsii. *Problems of the History and Culture of the Nomadic Civilizations of Central Asia*. Ulan-Udje: BNC SORAN. 2000. Pp. 80-84. (In Russian)
- Masanov N. *Kochevaia tsivilizatsiia kazakhov: osnovy zhiznedeiatel'nosti nomadnogo obshchestva*. Almaty: Socivest, Moscow: Gorizont. 1995. 320 p. (In Russian)
- Masson V. *Pervye civilizacii*. Leningrad: Nauka. 1989. 268 p. (In Russian)

- Nazarbaev N. *Sem' granej Velikoj stepi. Official website of the President of the Republic of Kazakhstan*. November 21, 2018. https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi. Accessed on 01.02.2026 (In Russian)
- Orazbaeva A. *Tsivilizatsiia kochevnikov evraziiskikh stepei*. Almaty: "Dajk-Press". 2005. 311 p. (In Russian)
- Samashev Z., Bokovenko N., Chotbaev A., Kariev E. Kul'tura sakov i skifov velikogo poiasa evraziiskikh stepei. *The World of Greater Altai*. 2016. No.2(4.2), pp. 824-848. (In Russian)
- Safarov R. O roli tiurok v rasshirenii musul'manskogo areala. *The Turkic-Muslim World: Identity, Heritage, and Prospects for Study*. Kazan': Publ. Kazan. un-ta 2015. Pp.261-271. (In Russian)
- Suraganova, Z., Burbaeva S., Tolegenuly K. The Medieval Settlement of Bozok: From a Cult Center to a Cultural Manifesto of Steppe Eurasia: Research article". *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.155, no.2, pp.13-33, <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-13-33> (In Russian)
- Tojnbi A. Dzh. *Postizhenie istorii*. Moscow: Publ. Progress. 1996. 736 p. (In Russian)
- Frolov Je. Problema tsivilizatsii v istoricheskom protsesse. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2006. No.2, pp.96-100. (In Russian)
- Tsarkov O. Ocherki istorii Saha. Tajga i Velikaja Step'. *Concorde*. 2022. No.1, pp.47-96. (In Russian)
- Jepistoljarnoe nasledie kazahskoj pravjashhej jelity 1675-1821 gg. *Collection of historical documents in 2 volumes*. Volume I: Letters of the Kazakh rulers. 1675-1780. Almaty: ABDI Company JSC. 2014. 689 p. (In Russian)
- The epistolary legacy of the Kazakh ruling elite of 1675-1821 *Collection of historical documents in 2 volumes*. Volume I: Letters of the Kazakh rulers. 1675-1780 Almaty: ABDI Company JSC. 2014. 689 p. (In Russian)

Information about the authors

Yerkin A. Abil – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy of the Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, 2 Mangilik El Avenue, Astana, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0001-8722-3992>, yerkinabil@gmail.com

Amanzhol Kuzembayuly – Doctor of Historical Sciences, Professor, A. Baitursynuly Kostanay Regional University, 47 Baitursynov Street, 110000, Kostanay, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0002-3662-7003>, topai240345@mail.ru

Авторлар туралы мәлімет

Еркін Аманжолұлы Әбіл – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасы Парламенті Мәжілісінің депутаты, Мәңгілік Ел даңғылы, 2, Астана, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0001-8722-3992>, yerkinabil@gmail.com

Аманжол Күзембайұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, А. Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университеті, Байтұрсынов көшесі, 47, 110000, Қостанай, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0002-3662-7003>, topai240345@mail.ru

Сведения об авторах

Еркин Аманжолулы Абиль – доктор исторических наук, профессор, депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан, проспект Мангилик Ел, 2, Астана, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0001-8722-3992>, yerkinabil@gmail.com

Аманжол Күзембайұлы – доктор исторических наук, профессор, Костанайский региональный

университет им. А.Байтурсынулы, д. 47, ул. Байтурсынова, 110000, Костанай, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0002-3662-7003>, topai240345@mail.ru

Authors' Contributions

Ye. Abil – conceptualization, data curation, investigation, project administration, writing – original draft preparation, supervision.

A. Kuzembayuly – methodology, validation, writing, review & editing.

Авторлардың қосқан үлесі

Е. Әбіл – тұжырымдаманы әзірлеу, деректерді үйлестіру, зерттеу жүргізу, зерттеу жобасына әкімшілік жетекшілік жасау, қолжазбаны жазу, ғылыми жетекшілік.

А. Күзембайұлы – әдіснаманы әзірлеу, нәтижелерді валидациялау, қолжазбаны жазу – рецензиялау және редакциялау.

Вклад авторов

Е. Аби́ль – разработка концепции, курирование данных, проведение исследования, административное руководство исследовательским проектом, написание рукописи, научное руководство.

А. Кузембайұлы – разработка методологии, валидация результатов, написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest / ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді / ***Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 05.06.2026

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 03.07.2026.

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 10.09.2026